

Елена Дубровина

Русский Джеймс Бонд Александр Гефтер (1885-1956)

Кто был Александр Гефтер?

А.А. Гефтер

Представляя читателю рассказы Александра Александровича Гефтера, нельзя не рассказать об удивительной судьбе этого замечательного человека.

Сколько имен писателей и поэтов русской диаспоры ушло в небытие... Некоторых забыли еще при жизни, многие имена так и остались не воскрешенными после смерти. Среди них были люди необычных судеб, отдавших свою жизнь за новую родину, Францию. Были и те, кто, ненавидя большевизм, слепо поддерживали нацистов, печатаясь в антисемитских и профашистских газетах «Парижский вестник» и берлинском «Новом слове». Однако русские литераторы

в основном оставались ненавистниками не только нового советского строя, но и нацистского режима. Многие героически сражались в Белой армии, а во время второй мировой войны поддерживали французское Сопротивление. Листая страницы прошлого, не перестаешь удивляться, какую трагическую жизнь проживали они вне родины, забытые на родной земле.

Среди прозаиков, живших во Франции, выделялось имя Александра Александровича Гефтера, часто печатавшегося в русской и французской периодике. Это был человек необыкновенно героической судьбы, русский Джеймс Бонд, о котором можно писать романы и ставить фильмы, так как А. Гефтер был секретным агентом британской разведки и много раз рисковал жизнью в борьбе против красного террора.

Александр Александрович Гефтер родился 26 апреля 1885 в Одессе. Невысокого роста, крепкий и мускулистый, не особенно разговорчивый, он поражал друзей своими знаниями, эрудицией. Он был не только писателем-маринистом, но и прекрасным художником, морским офицером, певцом, воином и масоном. Он сменил много профессий в поисках той одной, офицера русского флота, которая навсегда в сердце его останется главной. Окончив в Одессе университет, одаренный студент был оставлен на кафедре, где он изучал физиологическую химию. Однако вскоре молодой человек решает сменить профессию. Оставив любимый город, он направляется в далекий Петербург, где поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Какое-то время Гефтер работает юристом. Однако, полный жажды новых и новых знаний, он оканчивает историко-филологический факультет того же университета, так как у него была еще одна заветная мечта – стать писателем. Еще со студенческих лет увлекался А. Гефтер публицистикой и художественной прозой.

Ко всем его талантам прибавлялся еще талант певца. Одновременно молодой человек берет уроки живописи и пения. К тому же, он был изумительным поваром и гурманом. В день выхода первого сборника рассказов «В море корабли», иллюстрированного самим автором, в доме Гефтеров собрались друзья, которых хозяин порадовал своими кулинарными способностями. «Не так давно в «Огнях» я подчеркнул редкое сочетание в Гефтере трех талантов: талант писателя, талант мастера кисти и талант певца. Но я позабыл тогда про четвертый талант его. А.А. Гефтер ко всему этому – искуснейший повар. Выход книги ознаменовал он своим коронным блюдом – рублеными котлетами», – вспоминал о нем с юмором близкий друг, писатель Николай Николаевич Брешко-Брешковский, сын известной «бабушки революции». Котлеты бурно хвалили, так как Александр Александрович был чуток не только к мнениям о своем беллетристическом труде, но и к своим «пышным котлетам».

Разносторонне образованный, одаренный, храбрый воин, Александр Гефтер при жизни всегда был окружен друзьями и почитателями. Друг его, Аркадий Слиской, пишет о Гефтере в некрологе: «Природа щедро одарила покойного самыми различными талантами, а жажда знаний, по-видимому, была у него необъятной: он уехал в Петербург, поступил на юридический факультет, а одновременно стал изучать живопись в Академии художеств у профессора Харитонова и брать уроки пения у знаменитых артистов: Тартакова и Ивковой».

Надо отметить, что имена Харитонова и Тартакова были хорошо известны российской публике. Николай Васильевич Харитонов (1880-1944) был учеником Репина и блестящим портретистом. Двенадцатилетним мальчиком он уехал из Ярославской губернии учиться в Петербург. Однако в пятнадцать лет он неожиданно отправляется на Валаам и становится послушником в монастыре. Вернувшись в Петербург в 1901 году, Харитонов обучается живописи у таких мастеров, как Л. Дмитриев-Кавказский и И. Репин. Став преподавателем Санкт-Петербургской академии художеств, Харитонов много путешествует. После революции он уезжает из России, сначала в Сербию, а в 1923 году в Америку, где приобретает славу выдающегося портретиста. Именно портретная живопись привлекала Александра Гефтера. Учиться у такого преподавателя для молодого человека было большой честью, да и профессор Харитонов распознал талант ученика.

Иоким Викторович Тартаков (1860-1923) был известным оперным певцом, солистом Мариинского театра и земляком Гефтера. И. Тартаков родился в Одессе и, по утверждению некоторых друзей, он был внебрачным сыном Антона Рубинштейна. К сожалению, жизнь певца трагически оборвалась; он скончался от ушибов, полученных в автомобильной катастрофе. Оперные способности Александра Гефтера, несомненно, привлекли внимание певца Императорских театров, который прочил ему богатую оперную карьеру.

Однако Александра Гефтера тянет к морю. «На миноносце, на паруснике, в открытом море – Гефтер у себя дома. Это его водная стихия», – вспоминал о нем Брешко-Брешковский. С началом первой мировой войны Гефтер окончил экстерном курсы гардемарин флота и поступил на службу мичманом на кораблях Сибирской флотилии.

Александр Гефтер становится участником мировой и Гражданской войн. Революцию он встретил на крейсере «Память Азова», где работал вахтенным начальником. Новый режим Александр Гефтер не принимает и становится членом различных антибольшевистских подпольных организаций. Осенью 1918 он попадает в Финляндию, но в середине декабря 1918 перебирается в Мурманск, где находится по февраль 1919 года по заданию британской разведки. Там он принимает участие в местных концертах. В номере от 26 января 1919 года в газете «Мурманский вестник» автор писал, что Александр Гефтер «мило спел песню варяжского гостя из оперы «Садко» и известный романс Скенина «Как король шел на войну». Позже было указано, что Александр Александрович «пел и читал стихи собственного сочинения».

Итак, Гефтер начинает работать на английскую разведку и Белое движение. Британская служба безопасности была создана на базе секретной службы, образованной в 1909 году. С началом первой мировой войны она было подчинена военному министерству. Особое внимание в Лондоне уделяли ситуации в России после произошедшей там революции. Бесстрашный офицер, Александр Гефтер по заданию разведывательной службы несколько раз пробирается в Петроград в качестве курьера, поддерживавшего связь с подпольными антибольшевистскими организациями в Петрограде. Однако, разочаровавшись в действиях англичан, он писал в воспоминаниях о Гражданской войне: «С каждым днем моего пребывания на Мурмане приходится все больше убеждаться в правильности возникшего предположения о цели прибытия англичан. Они прибыли не для помощи русским, а для овладения богатым районом... Для них безразлично, кто такие русские, с которыми они имеют дело, большевики или нет, – и те и другие должны быть под эгидой английской власти...».

Весной 1919 года через Финляндию А. Гефтер прибыл в Северный корпус, подчинявшийся эстонскому командованию. Здесь он принимает участие в операции «Белый меч». Это была боевая операция, проведенная осенью 1919 года во время Гражданской войны в России, в ходе которой Северо-Западная армия генерала Н.Н. Юденича при поддержке вооруженных сил Эстонии и военно-морского флота Великобритании пыталась овладеть Петроградом. Операция закончилась разгромом Северо-Западной армии. После поражения армию разоружили, и северо-западникам и беженцам разрешили перейти на территорию Эстонии

и разместиться в Нарве. Для них начался «последний и самый жуткий круг страданий», началась эпидемия тифа, по всей вероятности, от скученности (всех разместили в огромных бараках – «гробах»). Люди умирали сотнями, трупы свозили на окраину Нарвы и сбрасывали в общие могилы на так называемом «трупном поле».

А. Гефтер служил в то время в должности адъютанта на Дивизионе сторожевых катеров и в отряде катеров Северо-Западной армии, после расформирования которой он остается в Эстонии, разделив судьбу своих сотоварищей. По некоторым источникам, Гефтер остается в Эстонии до 1924 года. По другим – ему удается в 1921 году через Финляндию уехать сначала в Данию, а потом во Францию.

Как и многие эмигранты, он стойко переносит все трудности, связанные с жизнью на новой земле. Гефтер много пишет и начинает печататься в русской зарубежной периодике. Он зарабатывает на жизнь живописью, пишет портреты. Русские художники-эмигранты часто собирались в замке Бретон на улице Сент-Антуан. Здесь в 1936 году в последний раз встретились два друга-художника – Александр Гефтер и Иван Шульце, известный своими работами еще в России, слава которого распространилась за пределы Франции. Портрет Шульце работы Гефтера был опубликован в парижской газете «Россия» наряду с портретами философа Николая Михайловича Бахтина, бывшего одессита и старшего брата известного филолога Михаила Михайловича Бахтина. Гефтер рисует и портрет певицы Хунцарии, который был опубликован в той же газете.

Только в 1927 году А. Гефтеру удается найти постоянную работу служащего в банке. С конца 1920-х он становится членом Военно-морского исторического кружка в Париже, выступает на его собраниях с докладами. Он принимает активное участие в литературной жизни Парижа. На его рассказ, напечатанный в 1929 году в «Современных записках», откликнулся М.Л. Гофман в газете «Руль»: «Сдержанно написан рассказ А. Гефтера из недавней морской войны – «Прожектор с фортов»; несмотря на некоторые длинноты, он читается с интересом и возбуждает внимание к молодому автору, о котором подождем высказываться до его новых рассказов».

Море навсегда осталось в сердце писателя. Живя в Париже, он мечтает уединиться и где-то на берегу моря писать и писать морские пейзажи или портреты друзей. Тоска по оставленной родине, по Черному

морю и городу детства Одессе сквозила в каждой строчке его рассказов и повестей. Он мечтает когда-нибудь снова туда вернуться, пройти по знакомым улицам, окунуться в счастливое прошлое. Гефтер много рисует, пишет морские рассказы как воспоминания о прожитой жизни. Особенно плодотворным был 1929 год. Александр Гефтер начинает печататься в таких периодических изданиях, как «Современные записки», «Иллюстрированная Россия», «Морской журнал» (Прага), «Часовой». В газете «Возрождение» появляется много его морских рассказов, таких как «Случай с цикадой», «Реванш», «Машка», «Корневильские колокола», «В казино», «На минных полях» и многие другие. Гефтер был прекрасным рассказчиком, красочно передавая язык моряков, описывая их будни, жизнь вне дома, далеко от родного берега, с любовью и пониманием человека, жившего среди них, этих простых, добрых и веселых людей.

«У Гефтера есть на самом деле непритязательная простота и собственный голос. Есть и чувство подлинной фабулы, того, что «интересно», – писал он нем в 1937 году литературный критик Ю.В. Мандельштам в газете «Возрождение».

Александр Гефтер был автором сборника морских рассказов (Рига, 1937), романов «Секретный курьер» (Париж, 1938) и «Игорь и Марина» (Брюссель – Париж, 1939) и др. Интересно, что два его последних крупных произведения – «Поцелуй» и «Подвиг» – вышли в Китае до и после второй мировой войны.

Его нашумевший в Париже роман «Секретный курьер» (1938) во многом автобиографичен и повествует о полной опасности работе белых подпольщиков в годы Гражданской войны. Роман посвящен памяти погибших секретных курьеров, «безвестных, как и их могилы». Это – взволнованный рассказ об опасных похождениях моряка Балтфлота Келлера, сбежавшего из Петербурга во время революции. Его вербует британская разведка, и Келлер становится секретным курьером, осуществлявшим связь между Северной и Северо-Западной армиями белых и белогвардейцами в Петербурге и Кронштадте. Тот же Брешко-Брешковский, сам плодовитый писатель, пишет о романе друга: «Гефтер «великий мистификатор». Он также вмещает в малом большое... Впечатление монументального «кирпича», вместившего десяток-другой полновесных романов. Почему? Да потому, что все густо насыщено действием, образами, все так органически горит ослепи-

тельно-знойными красками. Какое смешение стран, «бытов», театров действия, характеров, типов, опыта, наблюдательности, знания жизни, вернее, – «жизней».

А. Гефтер становится в Париже членом Товарищества объединенных русских издательств. С 1938 года – он член Объединения русских писателей и поэтов в Париже, член парижского Союза русских писателей и журналистов. Гефтер часто выступает на вечерах с чтением своих произведений.

В 1946 Александр Александрович был избран в правление Объединения русских писателей во Франции, был членом ложи «Юпитер», выступал на собраниях с докладами (1937-1940-е). Он часто встречается с оставшимися в живых после войны друзьями. В альбоме Александра Гингера Гефтер оставляет свое четверостишие (известно, что он писал и стихи) и свою единственную сохранившуюся фотографию.

Пляшет мертвый новобранец,
По желанью и охочью,
День за днем и ночь за ночью
Разудалый русский танец.

31 марта 1948

Наряду с литературной деятельностью Александр Александрович много рисует. В 1949 в частной студии в Париже у Александра Гефтера прошла выставка художественных работ, среди них особое внимание привлек портрет Ф.И. Шаляпина. Он участник салона Независимых (1941-1954), Весеннего салона (1947, 1948), салона Национального союза искусств (1954, 1956).

После второй мировой войны Гефтер становится членом Союза советских патриотов и сотрудничает в журнале «Возрождение» и в газетах «Русский патриот» и «Советский патриот». 14 июня 1946 г., после указа Сталина об амнистии «вчерашних отступников», многие эмигранты получили возможность вернуться на родину. Некоторые из видных представителей эмиграции и писателей, поддавшись умелой пропаганде, поверили в коренные изменения в Советской России и запросили советский паспорт. Среди них были Алексей Ремизов, Александр Гингер, Анна Присманова, Михаил Струве, Август-та Даманская, Перикл Ставров, Александр Бахрах, Вадим Андреев,

Александр Гефтер, Юрий Софиев, Бронислав Сосинский, Николай Рощин и Антонин Ладинский. Однако только четверо последних в списке вернулись в Советский Союз. Гефтер в родной город так никогда и не вернулся.

Последний год жизни Александр Александрович долго и тяжело болел, были серьезные проблемы с сердцем. Умирал, постепенно угасая, всеми забытый, рядом была только верная жена Мария Иосифовна Гайдебурова, известный врач-окулист, пережившая мужа на 20 лет. Он уже давно ничего не писал, с друзьями почти не виделся, вел тихую и уединенную жизнь, погружившись в свои думы, вспоминая прошлое, Россию, жизнь, полную приключений. В день смерти Александру Гефтеру едва исполнился 71 год.

Он скончался в Париже 16 декабря 1956 года. На отпевании в Александро-Невском соборе было много народа. Однако хоронить русского писателя и морского офицера пришли в основном французские собратья по перу, сотрудники французского журнала как «Revue des deux mondes» и члены «Société des gens de lettres de France», в состав которых Гефтер входил. Русская колония узнала о его смерти только месяц спустя.

В день похорон город был покрыт белой снежной пеленой. Процессия двигалась медленно; шел мокрый снег, и тяжелые хлопья ложились на лица провожающих, стекая по щекам вместе с невидимыми слезами. Хоронили писателя на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. В печати на смерть А. Гефтера откликнулся в газете «Русская мысль» его друг, морской офицер, участник Белого движения, писатель Аркадий Федотович Слизкой, судьба которого заслуживает отдельной статьи. Он писал: «...Он (Гефтер) был связан и физически, и духовно с русской землей и с русской культурой, и не могло быть в природе такой силы, которая смогла бы эту связь нарушить».

Имя Гефтера забыто как в России, так и на его новой родине, Франции.

4 ноября 2015 года в Париже в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына состоялось торжественное открытие постоянной экспозиции «Живопись и графика из собрания Андрея Львовича Сметанкина и Марии Васильевны Сметанкиной-Гудковой (Париж)». Среди работ выдающихся художников были широко представлены морские пейзажи и портреты писателя и морского офицера Александра Гефтера. Роман «Секретный курьер» был переиздан в России в 2008 году.

Александр Гефтер

Женщина в мехах

Хотя якорь уже «стал», «Морж» продолжал еще идти вперед по инерции, беззвучно и без брызг прорезая зеленовато-молочную воду бухты, пока не натянул якорного каната. Тогда он потихоньку пошел по кривой, начав циркуляцию.

«Морж» находился в бухте Провидения, единственной гавани маленького заброшенного народца, чукчей, далеко за полярным кругом, в Беринговом проливе.

От низкого безотрадного берега отделилось десятка два темных точек, быстро направлявшихся к кораблю. Командирский вестовой, Станислав Поплавский, которого команда называла Штаньснэв, веселивший публику своим скверным русским языком и особенно шутовским хвастовством, чрезвычайно любивший знакомство с новыми странами, смотрел теперь, затаив дыхание, на узкую линию берега и на маленькие суденышки, в которых гребли к «Моржу» одетые в меховые одежды безусые женоподобные широкоскулые люди с узкими в щелку глазами.

Они гребли одним веслом с двумя лопастями необыкновенно ловко, словно играя, без усилий, как рыба работает хвостом и плавниками. Их меховые капоры были спущены, и из просторных малиц выглядывали маленькие круглые головки с плоскими, спускавшимися на лоб черными волосами.

Первым поднялся по трапу маленький чукча со старческим сморщенным личиком, старшина племени, судя по молчаливому вниманию, которое было оказано ему другими. С медленной важностью он выпростал из круглого отверстия байдарки свои ноги в меховых чулках, легко и мягко, как кошка, выпрыгнул на решетчатую площадку трапа, даже не накренив набок верткого челнока, чуть-чуть оттолкнул его назад и привязал к столбику поручня. Затем он медленно стал подниматься по невысоким пологим ступенькам трапа. За ним последовали другие чукчи, неся на спине груз: моржовую кость, спермацет, китовый жир. Одним из последних подошел к «Моржу» челнок, в котором сидело совсем маленькое меховое существо. Оно медленно выползло

на трап, и хотя на нем были те же меховые штаны, что и на других гостях, – короткая, черная с проседью косица с грязной тряпицей на конце указывала, что это была женщина.

В ее руках был узелок, когда-то красный, но потемневший от грязи. Расправив короткие кривые ноги, она в нерешительности остановилась перед никогда не виданным сооружением – трапом, поколебавшись немного, опустилась на четвереньки и по-обезьяньи при дружном ржании глазевших на нее матросов довольно быстро поднялась на верхнюю палубу.

– Гляди, Николаев, никак баба, – сказал смешливый трюмный старшина Здоровчук своему приятелю канониру. – Убей Бог, баба. Мать честная, совсем цыганская обезьяна, что с шарманкой ходит, только из себя фигуркой побольше.

– Это мы сейчас у Поплавского спросим, он живо разберет, как он есть специалист, баба или мужик?

– Поплавский! Где он? Поплавский! – раздались голоса. – Гребни сюда, Штанисняв, дело будет!

– К Поплавскому жена приехала!

Подталкиваемый со всех сторон смеющимися матросами, появился Поплавский. Поняв, что он – центр внимания, востовой важно остановился перед чукчей, доходившей ему до груди, и важно обошел кругом. Чукча, крепко прижав к груди узелок, поворачивалась следом за ним, пристально смотря ему в лицо узкими глазками с воспаленными веками.

– Я так мыслю, – произнес Поплавский после хорошо разыгранного раздумья, – же то есть кобита, по-русски – баба.

Раздался громкий смех.

– Но она есть аристократка, бо масличны перфумы. Ладнее пахне.

Новый взрыв смеха. От чукчи шел удушающий запах ворвани и тюленьего жира.

– Ай, да Штанисняв, вот повезло матросу, на листократке жениться будет.

Зрители приседали от смеха, хлопая себя по крепким ляжкам красными лапами, стонали, кашляли и отплеывались от восторга.

Маленькая меховая женщина, как будто поняв, что над ней смеются, медленно произнесла на певучем языке какие-то слова,

в которых были почти одни гласные, затем присела на корточки и закрыла глаза. Она не хотела никого видеть. Сухая, до черноты грязная ручка ее опустилась на узелок, впилась в него пальцами. В этой позе чукча оставалась до вечера, до того момента, когда гостей просят очистить верхнюю палубу и удалиться с корабля. Маленькую фигурку во всем меховом пришлось почти силой отнести в байдарку. Она не хотела уходить.

В течение недели, что «Морж» стоял в бухте Провидения, старая чукча первой являлась на корабль, и всякий раз вечером приходилось ее удалять силой... Звали ее матросы либо «листократкой», либо «госпожой Поплавской». Имевшие отдельные каюты, боцман Шульга, маленький и кряжистый, вылитый, как из железа, и баталер Роксиков, толстый и рябой, сидели в центре общего стола и ужинали. Еда состояла из биточков и каши. Они ели медленно и деловито, с таким видом, будто оказывали команде особую честь тем, что сидели с ней за одним столом. Каждое их движение, аккуратность, с какой они разрезали огромные биточки или разрезали ломти хлеба, медлительность пережевывания пищи и даже то, как деловито икнули они после ужина, все говорило об их прекрасном воспитании и о глубоком уважении, которое они питали к своей собственной особе.

– Николаев, – металлическим голосом обратился боцман к канониру, – налей мне, дорогая, анкерку чая... А что, ребята, – повернулся он ко всем, принимая обеими руками кружку горячего питья, – есть ли новости по поводу «листократки»? Как ты, Штанысняв, не огорчаешься, что скоро должен расстаться с супругой навеки?

Последовал почтительный смех команды.

– Поплавский, что ж ты пригорюнился? – вводил его в игру Здравчук. – Отвечай господину боцману, как они насчет твоей супруги беспокоятся.

Польщенный общим вниманием, Поплавский наморщил лоб, готовясь дать ответ.

– Я ее в венце не желаю, – произнес он медленно и важно. – Бо она носе майтке, штаны по российску, а не сподницу, как аристократычна кобита.

Боцман закашлялся от смеха и стукнул кулаком по столу. Величавый баталер улыбался с каким-то горьким удивлением. Команда гоготала, не сдерживая своего восторга. Кончив смеяться, Шульга вздохнул, обсосал усы и опять послал Николаева за чаем. Выпив вторую чашку, он поставил ее вверх дном и встал от стола. Проходя, он заглянул в иллюминатор.

– А та все крутит да крутит около корабля. Бойтся, как бы без нее не ушли. Должно быть, ума лишивши.

И боцман безнадежно махнул рукой, проследовав к себе. Матросы посмотрели по указанному направлению. На палево-розовой закатной воде застыла байдарка старухи-чукчи. Море было так спокойно, что отражение ее не колыхалось и не ломалось в воде. Точно в зеркале...

Наутро пришел в бухту Провидения второй ледокол экспедиции, «Тюлень». О чукче на время забыли и вспомнили о ней только вечером, перед спуском флага. За обедом было несколько выпито по поводу встречи друзей, пылкий «динамит», старший офицер Бемме, был нежен и ласков.

– Доктор, медицина моя дорогая, – говорил он слегка заплетаящимся языком Покоеву, врачу с «Тюленя», – разъясни мне одну загадку, необыкновенную загадку. Тут чукча одна есть... Поплавский, взвейся наверх и скажи, что я приказал, чтобы ее не трогали, эту старуху... Мы сами сейчас придем туда.

Так вот, ты ничего не знаешь, чукча тут одна необыкновенная есть, все тянет ее к нашему кораблю, не отгонишь. А понять ее никто у нас не может. Ты ведь можешь с ними объясняться, с чукчами? Поговори с ней, медицина. Я уверен, что тут неспроста. Наши гранды, конечно, скептически настроены. Хочешь, подымимся?

Покоев, толстый и больной, лет шестидесяти, но еще крепкий, с седыми свисающими усами и голубыми, как васильки, смеющимися глазами, поднялся и потянулся. У него была манера бесшумно насвистывать какой-нибудь мотив. Сегодня это была *la donna e'mobile*.

– Ну, пойдем, друг «динамит», посмотрим твою чукчу, – и он стал подыматься по трапу, насвистывая свою дежурную арию.

Старая чукча, как всегда, была окружена толпой балагуривших матросов. Шел последний акт ежедневной комедии. В это время

ее сносили на руках вниз по трапу к байдарке, так как сама уходить не соглашалась. Она была уже готова к борьбе и уцепилась цепкими сухими руками за поручни. При виде офицеров матросы расступились, и хохот затих. Сама чукча при появлении двух новых лиц, в которых она почувствовала начальников, оставила поручни и обратилась к офицерам с довольно длинной речью на своем странном птичьем языке. Доктор пристально смотрел на нее своими смеющимися глазами и продолжал насвистывать. Вдруг он остановился и повторил одно слово, которое только что произнесла чукча. По-видимому, он был в величайшем изумлении. Тогда старуха опустила за пазуху свою тонкую руку, напоминающую лапу хищной птицы, и, слегка пошарив на груди, вытащила несколько предметов. Сначала большой шар из тюленьего жира, затем – колотый кусок сахара, весь пропитанный жиром и очень грязный. Третьим предметом была фотографическая карточка кабинетного формата. Доктор с необычайной для него живостью овладел снимком. Бемме потянулся к нему, и они стали рассматривать вдвоем. С промасленной насквозь альбуминовой бумаги на них смотрели глаза миловидной девушки в форме привилегированного учебного заведения. Доктор отступил назад. Старушка тоже смотрела на него своими узкими гноящимися глазами, в которых была тревога, мольба и ожидание.

– Ее дочь! – крикнул Покоев и почему-то сердито щелкнул пальцами по карточке. – Вот, знаете, положеньце, хуже губерна-торского. Она требует, чтобы ее везли к Белому Царю, к дочери.

– Да, да, я вспоминаю, был такой случай, был, – быстро заговорил доктор. – Каким-то образом ей доставили с китобоя эту карточку лет пять назад. Пойдем, поговорим, – и он крупными шагами пошел к трапу, ведущему в кают-компанию.

Спустившись вниз, Покоев откинулся в глубоком кожаном кресле, держа перед собой фотографию.

– Безусловно, судя по карточке, раса улучшена. Хвала и честь американским китобоям.

Затем он бросил фотографию на стол и продолжал.

– Доктор Плетнев рассказал мне эту историю. Лет двадцать тому назад, он был тогда еще молодым человеком и плавал на «Тунгузе», и был как раз в этих местах. У чукчей в этот

год был голод. Не то что хлеба не было, а был рыбий неурожай, так сказать. Люди умирали. В первую голову дети, разумеется. У этой самой дамы, что ждет наверху решения судьбы, умерло двое детей, осталась еще девочка лет пяти. Очень славенькая, между прочим. Наши взяли ее. Кажется, за мешок муки или бо-чонок рома, что-то в этом роде. «Тунгуз» удочерил эту девочку. Дочь корабля. Да неужели никто не слышал об этом, господа! Девочку привезли в Петербург, ею заинтересовались, отдали в Смольный. Она была очень хороша собой и необыкновенно проста и естественна. По окончании института ею увлекся богатый человек, гвардейский офицер. Особняк на Сергиевской. Выезд. Абонемент, журфиксы, придворные балы. Продолжение на «Морже». Маман хочет к ней, к своей собственной дочери в Санкт-Петербург, в особняк на Сергиевскую. Представьте себе такую картину... Швейцар... Огромный с медалями... Парадная дверь, зеркала, лестница, покрытая коврами. Маман в меховых штанах ползет по ней на четвереньках. Это, так сказать, начало. Но главное, главное!

Встреча с дочерью. Они не знают поцелуя, чукчи, они трутся носами. Если у дочери есть собачка, то в ней больше культуры, чем в этой чукче. Но тс-с-с. Одна вещь, страшная вещь, непреоборимая вещь – сердце матери! Да, она вползет на четвереньках по парадной лестнице, она трется носом с дочерью, все это великолепно, но она мать! Так сказать, закон естества, священное право! Впрочем, не мне решать этот вопрос, – добавил доктор, растягивая слова. – Я рассказал, что знал, и осмелился нескромно привести свои соображения. По-моему, дело весьма запутанное, но решить его должен командир корабля.

* * *

«Морж» не взял с собой старой чукчи. Когда от винта забурлила молочно-зеленая вода бухты Провидения, под круглой подобранной кормой ледокола пошла широкая и пенная струя, подобная маленькому водопаду. Подальше она сглаживалась, становясь похожей на замысловатые кружева в движении. Еще дальше – ряд быстрых водоворотов, постепенно успокаивающихся и сглаживающихся. В этой струе еще долго держалась байдарка чукчи, гнав-

шаяся за кораблем без всякой надежды, для того чтобы только отвести душу, чтобы в напряженной работе заглушить тоску.

– А как вы полагаете, Спиридон Митрофанович, – сладким голосом спросил за обедом боцмана баталер Роксиков, – правильно ли поступили господа офицеры, что эту самую меховую мадаму не взяли с собой?

– А я так полагаю, что это твоей писарской морды вовсе не касается, – вскипел и на «ты» рявкнул на него Шульга.

Париж, 1929 г.

Примечание

Через несколько месяцев после публикации этого рассказа Александра Гефтера в газету «Возрождение» поступило следующее письмо, открывающее тайну судьбы дочери чукчи, описанной в этом рассказе. К письму была приложена фотография девушки.

Письмо в редакцию

В одном из номеров Вашей газеты был помещен рассказ Александра Гефтера «Женщина в мехах» о старой чукче, явившейся на русский корабль (по-видимому, принадлежащий экспедиции Вилькицкого*) с просьбой взять ее в Россию, так как у нее там дочь. В доказательство старая чукча показала фотографию миловидной девушки в форме Института для благородных девиц.

Мне бы очень хотелось узнать, написан ли рассказ на основании точных документальных данных, или автор слышал об этом из отдаленных источников? Меня это чрезвычайно интересует, потому что в течение долгого ряда лет дочь чукчи, о которой говорится в рассказе, была очень близка нашей семье.

Мой отец, капитан 2-го ранга Алексей Аполлонович Остолопов, на клипере «Крейсер» (впоследствии – крейсер «Крейсер»)

* Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО) (1910-1915) была организована с целью разработки и освоения Северного морского пути. В ее составе было два ледокольных парохода – «Вайгач» и «Таймыр». Руководил экспедицией Борис Андреевич Вилькицкий.

пришел в бухту Провидения. На корабль к ним явилась чукча с ребенком 7-ми лет, очень миловидным. Она рассказала, что девочка родилась от союза с американским контрабандистом (котиковых промыслов) и что теперешний ее муж, чукча, не переносит ребенка и бьет его. Отец принял ребенка, которого чукча уступила за бутылку киевской вишневки, но рассталась с которым с большим горем.

Отец отправил девочку на пароходе Добровольного флота в Петербург, где она сделалась членом нашей семьи.

В судьбе ее приняла участие статс-дама, графиня Толстая. Сначала ее определили в Николаевский сиротский институт (Куракино) в малолетнее отделение, где к ней была приставлена особая воспитательница, а затем в Екатерининский институт на Мойке, который она и окончила.

Девочка представлялась императору Александру III и императрице Марии Федоровне. Во время представления девочка (ее звали Надей) спросила императрицу, показывая на огромную фигуру императора: «А он тебя не бьет?» – помня, как отчим бил ее мать. Император дал девочке фамилию Пиглянова-Асочак, производя от чукотского ее наименования Пиглянгавет-Асочак. Между прочим, с ней вместе воспитывалась дочь Менелика, абиссинского происхождения, привезенная Ашиновым.

За два месяца до предстоящей свадьбы Надя скончалась от менингита, к большому горю всей нашей семьи.

У нас не было сестры, и все знакомые принимали ее за нашу родную. У меня до сих пор сохранились ее игрушки из моржовой кости и ее фотография, которую я прилагаю к письму, для того чтобы Вы могли судить, как мало от дикарки было в этой девушке.

Если господин Гефтер описывает один из кораблей Вилькицкого, то эпизод имел место в 1913-1914 гг. Значит, чукча-мать явилась на корабль через 14 лет после смерти Нади, которая скончалась в 1899 г., что еще более подчеркивает трагичность случая.

Примите уверения в моем совершенном к Вам почтении и уважении,

Капитан 2-го ранга А.А. Остолопов*

Случай имел место на корабле «Таймыр» из экспедиции Вилькицкого. Передан моим другом, старшим лейтенантом Николаем Александровичем фон Транзе, бывшим старшим офицером у Вилькицкого. Я вывел его в рассказе под фамилией Бемме.

Другим лицом, передавшим мне этот случай, был старший лейтенант К. Неупокоев, старший офицер на «Вайгаче».

А. Гефтер

Айше Ханум

– Мне было двадцать лет тогда, – сказал мой собеседник и рассмеялся. Полные щеки его запрыгали, широкая лысина, обрамленная шатеновыми волосами, еще без седины, отражала свет электрической лампочки.

* Остолопов Алексей Алексеевич (1883-1937), капитан 2-го ранга (произведен генералом Врангелем «за отличие по службе»). В службе с 1904 года. За инициативные действия при подавлении восстания в Свеаборге пожалован серебряной медалью «За храбрость» на Георгиевской ленте (1906). Находясь в плавании на Гардемарином отряде, участвовал в спасении пострадавших от жесточайшего землетрясения жителей средиземноморского города Мессина (1908). Мичман (1910, с переводом во флот). Офицер Черноморского флотского экипажа. Во время первой мировой войны исполнял должность ст. офицера на эсминце «Лейтенант Шестаков». За участие в боевых действиях награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». После октябрьского переворота перешел к белым. С декабря 1917 года служил в Морской роте Добровольческой армии. Участвовал в 1-м Кубанском («Ледяном») походе. После эвакуации Крыма находился в составе интернированной в Бизерте (Тунисский протекторат) Русской эскадры. С 1 июня 1922 года – командир роты Бизертинского морского корпуса. В эмиграции жил во Франции, состоял членом Военно-морского исторического кружка в Париже (1928). Умер в Париже. Сообщение о смерти опубликовано в пражском «Морском журнале» (№ 112 за 1937 год). Похоронен на Новом кладбище в Аньере.

– Вы знаете, почему я смеюсь? Ведь я только что невольно сказал стихи: «Мне было двадцать лет тогда»... Стихотворный размер. И правда, об этом возрасте следует говорить стихами. Мы шли на присоединение к эскадре Рождественского. Наш миноносец был типа «Соколов». Тоннаж, сами знаете, микроскопический, около двухсот сорока. А впереди предстоит обойти три четверти земного шара и все океаны, какие только существуют. Нам не везло. В Бресте пришлось остановиться надолго. Меняли трубки в котлах.

Ну, вот, отставали, отставали, да так и не догнали адмирала. А нам, молодежи, очень хотелось сразиться с японцами. Но не об этом речь.

Я хочу рассказать вам об эпизоде, происшедшем со мной в Алжире. Теперь, когда прожито столько лет и столько эпизодов, теперь то, что произошло в Алжире, должно было бы если не исчезнуть из памяти, то, во всяком случае, значительно поблекнуть. Однако этого не произошло... Может быть, совпадение, может быть, два явления, которые я насильно связал в воображении, подчинив одно другому.

Ну так вот, вышли мы из Бреста в великолепную Бискайку. Как полагается – штормяга. Сразу, как только вышли. Дует от зюйд-веста, и так как наш путь на Ферроль*, значит, обогнув Финистер**, то попали прямо в лоб шторму. Благоразумие говорило, что следовало бы повернуть обратно, в Брест, да, знаете, неловко, хоть и маленький, но все же русский корабль.

Пошли. Какой-то водяной альпинизм, понимаете. Восхождение на горы. Ползем-ползем вверх. Добрались. А потом начинается спуск, к бабушке в преисподнюю. Сбивает с курса, зарываешься до пупа. Мостик, того и гляди, снесет. Пришлось перенести командование ближе к корме, за трубы. Дашь только рискнуть миноносцу, положит лагом и перевернет. Ну, ничего, держится. Выгребаем.

Одно плохо, никак не определиться. О том, чтобы лаг*** выбросить, нечего и думать, на палубе сплошная акробатика, люди

* Ферроль (исп. Ferrol) – город и муниципалитет в Испании.

** Финистер (фр. Finistère) – департамент на западе Франции, один из департаментов региона Бретань.

*** Лаг – строительный материал.

работают привязанными. Идем, значит, «на приблизительно». Должно быть, на такой-то широте такая-то долгота.

Небо – ничего не разберешь. Буро-красно-лохматое. Солнце, оно, как будто, и есть, да никак его не поймашь секстаном. Как определиться? Мне в первый раз пришлось быть в такой переделке. Бояться не боялся, на людях и смерть красна, но жуть, восторженная такая жуть, понимаете, была. Океан хочет нас погубить, враг он, но все ж, какой красавец! Эта свежесть, тучи соленой пены, и краски, главное, краски, в самых чудовищных сочетаниях! Топазы, изумруды, рубины, сапфиры, дымчатый хрусталь, доходящий до совсем черных тонов.

И вот начинается такая история. Срывает у нас передний мостик, вельбот с правого борта и переднюю трубу. Удар волны. Нечисто, будто никогда и не было. От трубы – несколько оборванных трасов, а там, где был вельбот, поломанная, как сгнивший зуб, шлюпбалка^{****}. В этот миг прорывается солнце, уже над самым горизонтом, во всей своей красе. Огромнейшее, медно-красное. Края обволакивающих его туч сверкают золотом, больно смотреть! Какой-то триумф на небе, какое-то языческое торжество, празднование победы. Прикончили маленькое дерзкое суденышко!

И вот по вершинам водяных гор – страшный глаз. Красный кровавый глаз. Отражение багрового солнца скользит радиусами в десятки верст по отполированным зеленым скатам волн. Наш штурман потом на себе волосы рвал, как он в этот момент не взял высоты солнца.

Продолжалось это недолго. Минуту-две. Все равно было бы не успеть. А мне почему-то захотелось спрятаться от этого глаза, не заметил бы, не сжег! Затем налетали черные облака, закрыли солнце и опять пошло писать прежнее. Пропал красный глаз. Спустилась тьма. И вот, представьте, в эту ночь удалось определить широту – заслуга нашего штурмана. Необыкновенный марсофлот^{*****} был. Шторм рвал воду, но рвал и облака, и в просвете между ними порой проглядывали звезды. Ухитрился человек

**** Шлюпбалка – устройство для спуска шлюпки с борта корабля (судна) на воду и подъема ее на борт.

***** Марсофлот – опытный, матерой моряк, знающий и любящий море и морское дело.

поймать Полярную. Вышло, что находимся на широте Бордо, – значит, недалеко испанские берега. А если так, то скоро откроем Финистер – у него белый огонь. Разбудили командира. Сердится, кричит: «Неправильно взяли высоту, молокососы! Дай Бог, чтобы мы хоть на середине Бискайки были!».

Второй раз поймал штурман Полярную. Прежнее место. Ну, мили две разницы, пустяк, не считается. Командиру уже ничего не говорим, ждем белого дня. И вот – зеленый! Что такое? Пароход, шхуна? Справились на карте. Есть зеленый огонь, на мысе Эстака*, ближе к востоку. Проходит несколько времени. Зеленый огонь ярче и определеннее. Утром прояснило, ветер спал, но толчея невероятная. Команду укачало в лоск. Показался берег. Видны строения. Городишко Виверо**. Закрытая бухта. Заходим. Ровная масляная поверхность воды. Отдохнули после двух суток трепки и поели, наконец, свеженины. Прекрасной рыбы. Достали с испанской барки.

В Ферроле починились, оттуда пошли в Алжир. Там нас ждет телеграмма из Петербурга: ждать распоряжений. Вот мы и оставались там на два месяца. Когда подходили к Алжиру, садилось солнце. Таких пурпурных, малиновых, алых тонов неба я никогда не видел. Это было то же солнце, что недавно прорывалось сквозь тучи над Бискайей, да, то же самое. Но теперь оно было мирным, ласковым, и его отражение не носилось по волнам ищущим страшным глазом. Теперь багровый шар со жгущей страстью купал свое отражение золотым столбом в палевой воде.

Мы все повеселели. На берегу нас ждало счастье. Почему? Мы ошвартовались у стенки. Не прошло и часа, подкатил автомобиль, и из него вышел высокий сухой человек в белом бурнусе и чалме с черными шпурами, переплетенными золотыми нитями, эмблема потомка Магомета. Шейх. Хотел посмотреть наш корабль. Отрекомендовался другом России. Сказал, что желает нам победы в предстоящем бою с Японией. Шейх этот, человек лет 30-ти, получил воспитание во Франции, был очаровательным светским человеком. Только бурнус отличал его по внешности от европейца.

* Мыс Эстака-де-Барес (исп. La Estaca de Bares) – мыс и крайняя северная точка Пиренейского полуострова на 43°47'38" северной широты.

** Виверо (исп. Vivero) – город и муниципалитет в Испании.

Угостили его, как следует, как это и было всегда на русских военных кораблях. Насилу выгрузили его на берег. Взял он с нас слово, что придем к нему. Мы не заставили себя долго ждать, и уже на следующий день поднимались по узкой улице к его обители. До сих пор помню, как называлась эта улица, – Баб-Азун. Было уже под вечер. Солнце садилось. На багровом небе вырисовываются фиолетовыми силуэтами плоские кровли, острые минареты. Ну, алжирского дома описывать не буду. Теперь, после стольких лет нашего мотания по свету, у всех в зубах навязли все эти Африки, Азии, Японии...

Угостил нас шейх как нельзя лучше. К кофе подали ликеры. И вот, понимаете, чтобы показать свой европеизм, позвал он одну из своих жен. С нею и управительница пришла, негритянка. Огромная такая бабища, уже немолодая. Бегемотиха в старости. И с ней (контраст какой!) – нечто из ряду вон выходящее. Одним словом, если есть гурии, то вот они такие бывают. И опять же, «и мне было двадцать лет тогда»...

Оказалось, что это не главная его жена, а так, вторая или третья. Шейх настоящей женой считал первую. Она, кажется, француженка была. Нам он ее не показал, и мы этим не огорчились. Вот, значит, стало это создание играть на зурне. Зурна не скрипка и не виолончель – три, четыре довольно заунывных ноты дрожат, переливаются одна в другую, и все больше высокие ноты. Не в этом дело. Голос, голос, которому вторила зурна. Конечно, она не училась пению, но как хорошо, что она не училась! Негритянка в это время сервировала нам шербет. И как подходили к пению засахаренные розовые лепестки этого варенья... Томно и сладостно...

Наши дамы красят теперь лицо и ногти. И мы привыкли к этой моде. А тогда меня как-то резануло от красного рта, бровей и ресниц жены шейха. И странно, я каким-то чутьем понял в следующий момент, что это так и следует, что зурна, шербет, белила и кармин, все это вместе взятое дополняет друг друга замечательно хорошо.

Шейх на следующий день собирался уехать месяца на два в свое поместье. Овцы у него пали или что-то в этом роде, а нас просил непременно заходить к нему, когда мы будем на берегу,

и вообще, смотреть на его дом как на свой. Мы его не поняли, но поблагодарили. Выходим на улицу – луница, Господи, из багрового тумана выплывает. Что за страна!

Прошло так с неделю, подымаюсь я с приятелем в гору, на базар. Уж очень хорошие там финики. Плывет нам навстречу черная бабища, чудовище, а с ней легкая фигурка в шароварах и чарчафе*. Я сразу узнал – жена шейха, и с ней управительница негритянка. Управительница останавливается и здороваается, а та, в чарчафе, отошла в сторону. Видны только черные глаза.

Мой приятель, что со мной был, наш инженер-механик Валевский, а звали его Касатиком и за ласковый характер, и за то, что он ко всем обращался с этими словами, он и говорит мне: «Вот что, касатик, я тебе в папаши гожусь, и знаю обычаи всех стран, дай ты этой черной ведьме деньги. Дай! Увидишь, что польза будет».

Мне было немного неловко так дать денег, как бы другая не увидела, что я что-то гадкое делаю, как мне казалось. Но превозмог смущение, дал негритянке деньги. И не один, а два луидора. Приняла. Подарила даже очаровательной улыбкой и говорит: «Вы бы, мосье, к нам зашли, кофе попить, а она вам и попоет, и потанцует. Мосье бон и жоли, а мадам скучает. Мадам, Айше Ханум».

В этот же вечер я пошел туда. Один. Все время, пока наш миноносец стоял в Алжире, я каждый день бывал в большом доме с плоской крышей на Баб-Азун. Собственно говоря, это почти все. Как будто не сложно? Но как бы это объяснить?.. Видите, тогда я этого не понимал, я был влюблен, как мальчишка, но теперь я знаю, что это было. Если хотите – это было самое лучшее время в моей жизни, и, конечно, оно больше не повторится. Счастье, для которого мы рождены, и которого по глупому жизненному парадоксу почти никогда не бывает.

А у меня оно было – это говорю вам я, лысый и обрюзгший, теперь капитан второго ранга Ластовский. Оно может быть у всех. Но не соблюдено какое-нибудь незначительное условие, несовпадение времени или пространства – и два существа, созданных друг для друга, не встречаются. Вот и все.

* Чарчаф – покрывало для лица.

...Да, так что я хотел сказать? Дело в том, что Айша Ханум была восточная женщина – значит, раба. Я же христианин и славянин. Она меня не понимала. Просто не понимала, чего я еще хочу. Я хотел ее души, в обмен на свою. Она этого не понимала. С ним, с шейхом, ее господином, было проще. Она плясала, поводя бедрами, вертела животом, бросала пламенные взгляды. Очень возможно, что шейх был красивый мужчина, но у него была первая жена. Айша Ханум была лишь его домашней артисткой. Он важно сидел и тянул кальян из янтарного мундштука. Я не тянул кальянного дыма, когда она пела. Я стоял перед ней на коленях, целовал ее босые ножки с накрашенными пятками и уверял ее, что я – ее раб. Понимаете, я!

Я хотел, чтобы она мне приказывала. Я припоминаю теперь, что я даже клялся ей, что перейду в магометанство. Одним словом, сумасшедший угар. Наконец, сломил ее. После долгого обдумывания она мне приказала... Как вы думаете, что? Привезти ей из Бискры финики. Там они какие-то особенные. В палец длинной и в кристаллах сахара.

Поехал. День пути. Духота в вагоне невероятная. Но в коробку я положил дорогое бриллиантовое кольцо, Год удерживал потом ревизор из моего жалованья. И что вы думаете? Она это кольцо отдала негритянке. Я чуть не заплакал. Теперь я понимаю, почему она это сделала. Она любила меня по-настоящему.

В другой раз она потребовала, чтобы я научился ездить на велосипеде. Я не умел. Она приходила с негритянкой в парк, где я учился, и в первый же день она видела, как я на полном ходу врезался в пальму. Это было ужасно. Впрочем, на второй день я уже ездил. Больше она ничего не могла придумать, чтобы мне приказать. Теперь я приезжал к ней на велосипеде, и с каким восторгом она гладила блестящий никелированный руль, седло, скрипящее на пружинах! Для нее передвижение на велосипеде было чудом. Верблюды, ослы, изумительные арабские лошади, все это было ей знакомо и старо, как мир, а вот эта диковинная машина...

В конце концов она поставила на своем, доказала, что она, восточная женщина, когда полюбит – раба, а я господин. Я оказался бессильным помешать ей. Красный глаз, отражение прорвавшегося меж штормовых туч солнца, остановился на моей Айше

Ханум. Она мне переводила на безобразный, но понятный французский язык песни арабских поэтов, которые она мне пела. Только для меня. Она сидела, скрестив ножки в шелковых с золотом шароварах, и пела про любовь и смерть от любви. Обязательно смерть. Почему так? Почему в стране, где столько солнца, света, неги и сладости, так охотно поют о смерти?

...В наш последний день перед уходом из Алжира (нас отправили на Крит) не было ни зурны, ни пляски. Было лишь... Ну, все равно! Айше Ханум обещала прийти на пристань с негритянкой. Эта особа была, к слову сказать, тоже огорчена моим отъездом! Кто еще будет так щедро дарить ей блестящий луй?

Настал день отъезда. У всех наших были провожающие, у меня – никого. За минуту до того, как стали отдавать швартовы, появилась негритянка. Одна. Я бросился к ней. Вид у нее был расстроенный, она плакала. Она успела передать мне небольшой продолговатый ящик. Типичная арабская работа. Перламутровая инкрустация.

– Айше Ханум шлет привет. Любит до смерти. Все.

О, как мало мне нужен был этот прощальный подарок! Мне даже хотелось вышвырнуть ящичек за борт. Я был в совершеннейшем отчаянии. Так и не увидел ее. Хоть бы в чарчафе, но я увидел бы все же ее глаза, ее милую фигурку.

Вечером перед отходом ко сну я взял в руки ящичек. Он сделался для меня дорогим, его держали ее руки! Затем я машинальным движением открыл его, в нем лежал небольшой дамасский кинжал, покрытый запекшейся кровью, и я понял, что Айше Ханум больше нет.

Париж, 1935 г.

Филадельфия

